

Пока Лёшка, мой милый американский котяра, накрывал праздничный стол, я в последний раз в уходящем году присел к компьютеру. Двойной наш с мейн-куном портрет с устрашающим поздравлением «С новыми вас проблемами, которые мы всё же решим!» отправил по нужным адресам. Мне нужным, потому что выбранные адресаты совсем не нуждались во мне, я это знал, но что поделаешь, назвался традиционалистом, полезай в горшок.

Уселись за стол. Лёшка вопросительно сощурил свои жёлтые глаза: что откупоривать? Мы понимали друг друга без слов, «шампунь» – к звону курантов, а сейчас я кивнул в сторону початой бутылки собственноручно изготовленного виски. Лёшка одобритительно облизнулся. Ещё бы, старый чёрт! За два года, проведённых со мной, он прошёл неплохую школу потребления алкоголя, главным правилом которой было всё в меру и только в меру. Налили в плоские фужеры

для «шампуня», из них Лёшке было удобнее лакать, да и мне приятнее пить из приличной посуды. Терпеть не могу пластик и всякую подобную дребедень. Лёшку тоже аж трясёт от пластмассовых тарелочек и стаканов. Ещё когда он непонятно как очутился в академгородковском лесу, неподалёку от торгового центра на Ильича, и какие-то сердобольные учёные бабки подкармливали бездомного, хотя и породистого кота у Большой сосны, привкус и запах пластика ему так надоели, что теперь он готов был скорее умереть, чем вернуться к прежней сервировке. Тут мы с ним схожи: я тоже предпочитаю стекло, фарфор и настоящую сталь. Даже от фальшивого «чёрнённого» серебра меня тошнит.

Чокнулись, я поцеловал милую усатую морду. Выпили. Лёшка заурчал над форелью, – не каждый день выпадает! Кот мне достался от писательницы Нади С. Когда она совсем уж стала плоха (царство ей небесное!), в очеред-

ной мой приход она попросила меня сфотать её вместе с мейн-куном. С трудом взгромоздила чёрного великана на колени – а это за десять килограммов! – и печально улыбнулась в объектив. У меня чуть сердце не лопнуло. Когда сердобольные научные бабки навязали ей блудного кота, она пассивно не сопротивлялась, чертяка был очень красив, а Надя сохла, как думала она сама, от сердца и одиночества. Но надолго её не хватило, и она передала Лёшку мне с грустными просьбами и пожеланиями.

Мне не очень-то и хотелось тащить котяру на Кировку, где я жил, но, во-первых, Надя, а, во-вторых, сам тоже один. А что если? Всё получилось лучшим образом, Лёшка, как это ни покажется странным, отличался редким умом, с лету освоил мой распорядок холостяка, я быстро обучил его не только лакать приличные напитки, но и понемногу вести хозяйство. Включал специально для него телепередачи про готовку с телезвёздами, и он сначала начал вести кухню робко и неумело, но потом вошёл во вкус, так что мне оставалось только снабжать нас продуктами.

Сложнее оказалось с женщинами. У меня их было целых три. Я объяснил, как мог, Лёшке, что одна, та, что постарше, моя бывшая жена, она у меня для ума, чтобы совсем не деградировать и не спиться, и ещё для социального статуса. Другая, что помоложе и покрасивее, растрёпа и неряха, в трудную душевную минуту стала палочкой-выручалочкой с большой буквы. Если бы не она, я бы давно сдох. И теперь я не имел права оставить её совсем. И третья, что научила меня на превосходной финской аппаратуре гнать отличный самогон, настаивать его и охотно употребляла вкуснейшие напитки вместе со мной в изрядных, хотя и умеренных количествах, к тому же обладала главным

достоинством женщины – очень хорошо понимала, что нужно мне от неё в первую очередь. Все три вместе они составляли для меня одно весьма гармоничное целое. Лёшка долго не мог понять этого, моя жизнь ему казалась аморальной, и хотя сам он в силу объективного вмешательства хирургического ножа ещё по молодости лишился потребности в прекрасном кошачьем обществе, всё же долго со странной ревностью относился к каждому приходу моей очередной гостии.

Когда мы закусывали, призывно забулькала скайп: это сын из Питера. Он предупреждал меня о разговоре «на троих» заранее. Он всё ещё надеялся примирить нас матерью, то есть с моей бывшей женой, но не понимал, что мы никогда и не ссорились. Ладно, поговорим. Поздравили друг друга с наступающим. Я видел, как сын с трудом спрятал гримасу отвращения, увидев мейн-куна. И, скорее всего, он давно уже сам не верил в моё приобщение к прежней семейной жизни, но по натуре был, как и я, неисправимый традиционалист, не мог, например, без жены вечером сесть за стол, хотя почему-то считал, что это её святая обязанность еду готовить, а тут отец, кровиночка, с каким-то котом живёт!

А соседи и знакомые, между прочим, Лёшку любили. И за статью, и за ум. Я часто гулял с ним по бульвару на Петухова. И мамы одобрительно показывали детям на дядю, который на легком поводке водит на прогулку огромного чёрного кота. Знали бы они, что Лёшкин поводок предназначался не для него, а именно для них. Иногда, сидя на скамье, мы с Лёшкой понемногу сосали из фляжки вискарь и закусывали колбасой или сыром. И тогда жизнь становилась особенно прекрасной. Над нами тихо шелестели листвою липы и клёны, иногда пикировала ворона, но увидев чёрного огромного кота, она взмывала снова ввысь, хотя

Надя Синиченко с котом Алёшкой

ей очень хотелось заполучить кусочек ароматной колбаски или сыра.

Вместе со мной Лёшка постепенно полюбил эти прогулки. И было за что: буквально в нескольких шагах по Петухова глухо рычали красные камазы, шуршали шинами тойоты и мазды, а на бульваре происходила своя весьма насыщенная событиями жизнь. О мамашах и детях я уже говорил, изредка молодёжь оккупировала скамейку и потягивала баночное пиво, одиночные фигуры пьяниц, прячущиеся с бутылкой в чашобе, случались редко, но тоже были. Отдельная статья – собаки. Лёшкин поводок и здесь сгожался. И посреди всей этой кутерьмы дети играли на асфальте в «верёвочку», «классики» и ещё какие-то новые детские игры. Когда темнело, умиротворённые мы шли с Лёшкой домой и часто с ним вместе купались. Я взбивал в ванной пышную пену, и мой котяра в воде становился внезапно в два раза меньше и чертовски трогательным в своей кажущейся беспомощности. Я фотографировал его или снимал по настроению видео, а потом мы от души веселились, просматривая на большом

экране телевизора эти свидетельства счастья и настоящей дружбы.

Со временем Лёшку всё больше и больше интересовал компьютер. Когда он понял, для чего предназначена клавиатура, он перестал спать на ней, хотя это ему очень нравилось. И когда я работал, он усаживался за моим плечом на тумбочке и внимательно следил, как лепятся на экране в строчки серые мухи букв. А я имею привычку вслух читать написанное, и честно скажу, что не очень и удивился, когда стал догадываться, что Лёшка научился читать. Этот процесс – обучения распознавания смысла человеческой речи и её претворения в текст – был довольно длительным, но всё-таки взрывным. Когда я однажды кончил писать детский рассказ «Верёвочка», действие которого Лёшка неоднократно вместе со мной наблюдал на бульваре, он одобритительно запрыгал на диване. И я хохотал до слёз, глядя на его кульбиты, и на следующее же утро мы вместе с ним пошли и купили ему детский пружинный диванчик. Мало сказать, как он был счастлив!

Осенью случилось так, что Лёшка

спас мне жизнь. Я приехал из Академгородка страшно усталый: в журнале, где я работал, сменилось начальство. И оно, это новое начальство, сообразуясь со жлобскими «требованиями времени», при очередной перетарификации большую часть прибавки фонда зарплаты на следующий год употребило для повышения оклада себе любимому. Коллектив глухо роптал, а я, единственный мужчина, счёл свои долгом высказать все мысли по этому поводу вслух в лицо новому руководству в нелицеприятной форме и с требованием рассмотреть этот вопрос на редколлегии журнала с участием известных учёных. Надо было видеть, в каком изумлении вылезли из орбит глаза у этого корбункула! Дамский коллектив был мне весьма признателен, но по приезде домой я не мог как следует не «употребить». К тому же достал из футляра давний подарок приятеля-геолога – кубинскую сигару и засмолил...

Лёшка, до того сочувственно отнёсшийся к «употреблению» (он сердцем чувствовал моё состояние), после того, как я возжёл сигару, с такой тоской посмотрел на меня своими желтками, что мне стало стыдно, и вскоре я затушил «гавану» и снова спрятал её в футляр. Но «букет» из вискаря, сигары и усталости уже действовал. Я, видно, плохо соображая, нацедил горячую ванну и погрузился. Если вы не знаете, что такое предынфарктные боли, то лучше

и не знать. У меня не было сил даже крикнуть. Что-то похожее на тяжкий сдавленный вздох Лёшка услышал, открыл ванную и, ужаснувшись моему состоянию, вырвал пробку. Затем, когда я чуть охладел и пришёл в себя, он принёс мне мобильник, и мы уже вместе кое-как набрали 112. Оператор на станции, к счастью, попался вменяемый, он быстро сообразил, что «клиент почти готов» и выслал машину «скорой».

Ни в коем случае не двигаться! – скомандовала врач, нашла в подъезде двоих мужчин-соседей, и меня отгрузили в 34-ю. Что делать с котом и квартирой? – спросила врач. Можете не беспокоиться, ответил я, вам бы такого кота! Уже из машины я позвонил бывшей жене (вот и пригодилась!) и отдал «предпоследние распоряжения».

Через месяц бывшая (а может теперь уже снова настоящая) жена приехала забрать меня домой. В машине мне в грудь мордой уткнулся Лёшка, и я на плечах сквозь свитер ощутил его когти. Впервые в жизни я видел плачущего кота. Это, скажу я вам, ребята, по сильнее плачущего большевика будет!

К бою курантов Лёшка открутил голову абрау-дюрсо. Мы вежливо выслушали президента. Он хорошо сказал от наших воинов, о всех-всех-всех, но ни слова о котах. Я обнял Лёшку и по-мужски поцеловал. Мы полизали «шампунь» и стали по телефону поздравлять наших женщин.